

Я выбираю свободу

КОГДА Я ВЕРНУСЬ

В Париже 15 декабря 1977 года умер Александр Галич. Смерть его была неожиданной и нелепой на первый взгляд: русский поэт умер в Париже от удара электрическим током при подключении только что купленной аппаратуры. До сих пор существует предположение, что к этой трагедии причастны советские и американские спецслужбы. Кстати, Ангелина Галич - жена поэта спустя несколько лет погибла столь же нелепым образом.

Переход Галича в «разряд» диссидентов был неизбежен. Исключенный из Союза писателей и Союза кинематографистов, поэт все время искал пути к своему читателю. С 1974 по 1977 год он сотрудничал с радиостанцией «Свобода». Приводимые ниже записи были сохранены сотрудником радиостанции Юлианом Паничем и впервые изданы в США. (Текст Галича дается точно по записи, без редактуры).

Незадолго до смерти Галич, сидя у микрофона, записал на пленку, что снится ему последнее время и что мучает его во сне: «А началось это с того, что года два тому назад, когда я улетал из Нью-Йорка в Европу, меня посадили в самолет очень сонного. Дело в том, что накануне я был на дне рождения у Ростроповича, причем приехал на этот день рождения после собственного концерта, приехал поздно. Мы гуляли почти до самого утра, днем я так и не успел отдохнуть, и когда меня посадили в самолет, я просто уже засыпал на ходу...

Когда я проснулся, я увидел, что около меня стоит стюард... Я спросил его, как мы летим, какой у нас маршрут. Он сказал: ну как же - у нас маршрут Нью-Йорк - Москва. Я настолько обалдел, что у меня просто отвисла челюсть, и я долго так сидел в этом состоянии, пока он снова не прошел мимо, и я спросил его: а скажите, спросил я дрожащим голосом, а где-нибудь у нас будет посадка или прямой рейс? Он сказал: рейс прямой, - сказал он, после чего у меня уже совершенно упало сердце, - но посадка у нас будет в Амстердаме. Тут я вздохнул с облегчением, а потом, вот с той поры, начался этот сон.

И очень часто снится мне, что я прилетаю в Москву. Сажусь в такси и уже в такси я понимаю, что, собственно говоря, ехать-то мне некуда. Я не знаю, к кому я могу зайти? Кого я могу не подвести? И как мне быть дальше? Где я буду ночевать? Где я буду есть? Кому я рискну позвонить?

И потом обычно этот сон перебивается ощущением, что стою в будке телефона-автомата и держу в руках монету, и я не знаю, кому позвонить... Родным? Я боюсь. Друзьям? Я не знаю, как я им позвоню и что скажу... И это ужасное ощущение, что я, наконец-то, дома, я, наконец-то, у себя на родине, я, наконец-то, там, где мне все мило и все - тяжело, все - необыкновенно дорого и все необыкновенно раздражает меня, и вместе с тем я пони-

маю, что я уже чужой в этом мире: этот мир - мой мир! - он не может меня принять, я не могу в него войти...

Я, как правило, иду потом от площади Маяковского до площади Пушкина; я до сих пор помню все дома по правой стороне, помню, что там находится, и последовательность этих домов...

И я захожу в магазин, где теперь продают какие-то фотопринадлежности, и я начинаю покупать батарейки для транзистора. Меня спрашивают: какого размера? И я говорю - все равно какого, потому что мне действительно все равно, какого размера будут эти батарейки... И обычно где-то вот на этих самых батарейках и кончается этот очень горестный и очень странный сон, который из месяца в месяц повторяется и снится мне очень часто...



маю, что я уже чужой в этом мире: этот мир - мой мир! - он не может меня принять, я не могу в него войти...

Я, как правило, иду потом от площади Маяковского до площади Пушкина; я до сих пор помню все дома по правой стороне, помню, что там находится, и последовательность этих домов...

И я захожу в магазин, где теперь продают какие-то фотопринадлежности, и я начинаю покупать батарейки для транзистора. Меня спрашивают: какого размера? И я говорю - все равно какого, потому что мне действительно все равно, какого размера будут эти батарейки... И обычно где-то вот на этих самых батарейках и кончается этот очень горестный и очень странный сон, который из месяца в месяц повторяется и снится мне очень часто...

И немая от вздорного бешенства, Я гляжу на чужое житье, И полосками паспорта беженца

Перекрещено сердце мое.

6 июля 1974. Мне кажется так: если мы не примем формулу, что мир принял... трещину, которая прошла через сердце

поэта... знаменитую формулу Гейне... то вообще поэзии не существует.

26 июля 1974. Я желаю самого большого успеха и счастья этой стране... Я говорю себе: «Можешь ли ты быть чем-то полезнее Израилю?» И мне кажется, что я был бы не только не полезен, а вреден... Я - русский поэт, и я бы оказался каким-то центром, объединяющим именно советско-русское землячество... и объективно мог бы принести этим какой-то вред...

14 сентября 1974. Осло... я

сижу в... уютном ресторане «Блом». Внезапно... давние, еще московские тревога и усталость накатывают на меня, как озноб. Это тревога и усталость разоренного дома, опустевшие за три года вынужденного молчания книжные полки. Это тревога от вечного ожидания стука или звонка в дверь... Вечером мы смотрим последние новости - и вдруг на экране появляется измученное, с заострившимися чертами лицо академика Сахарова... по настоянию врачей Андрей Сахаров вынужден прекратить голодовку... И мысленно, снова и снова, - в который раз, здесь, в полумраке моей норвежской комнаты, я обращаюсь ко всем людям на Востоке и на Западе... Не молчите!

21 сентября 1974. Мы поехали смотреть витражи, сделанные Виктором Спарра... огромный распятый Христос, слегка подсвеченный неярким солнцем, с сожалением и состраданием смотрел на нас, грешных людей. Лицо Христа осунулось в смертной муке, запекшиеся губы словно силились сказать: «Я пришел в этот мир, чтобы научить вас милосердию и любви... а вы что сделали?»

2 октября 1974. Шукшин принимал, что чьи-то руки вычеркивают из его произведений самые важные слова, калечат его картины... они не выходят в том виде, в котором он их задумал... Как же может выдержать человеческое сердце? Теперь-то мы знаем - не смогло это сердце выдержать...

29 декабря 1974. Я продолжаю верить, что... наша страна в итоге не погибнет... рано или поздно должна найти в себе силы, чтобы пойти по человеческому пути...

19 апреля 1975. Я увидел

прекрасное в своем трагическом уродстве, залитое слезами лицо великого мудреца и актера Соломона Михайловича Михозлса. В своем театральном кабинете за день до отъезда в Минск, где его убили, Соломон Михайлович показывал мне полученные им из Польши материалы, документы и фотографии - о восстании в Варшавском гетто... Всхлипывая, он все перекалывал и перекалывал эти бумажки и фотографии на своем огромном столе. Прощаясь, он задержал мою руку и тихо спросил: «Ты не забудешь?» Я покачал головой.

Я не забыл, Соломон Михайлович!

...Уходит наш поезд в Освенцим,

Наш поезд уходит в Освенцим -

Сегодня и ежедневно!

9 мая 1975. 9 мая в Советском Союзе отмечается День Победы. Девятого мая Елена Боннэр и Андрей Сахаров продолжают голодовку, которую объявили в знак протеста против отказа советских властей выдать Елене Боннэр разрешение на выезд в Италию для лечения ее тяжелейшего заболевания глаз, то есть она фактически слепнет. Не

примечательное ли совпадение? Девчонкой Елена Боннэр ушла на фронт, всю войну пробыла на фронте, была тяжело ранена, награждена орденами и медалями, которые потом вернула. И вот героине войны, женщине слепнувшей, которую можно спасти, не дают этого разрешения, чтобы ее спасти... Она продолжает голодовку в День Победы...

15 мая 1976. Режиссеры, которые пытаются говорить что-то искреннее, правдивое, теряют квалификацию, потому что им не дают возможность ставить те фильмы, которые они хотят. Так когда-то задохнулся человек сложный, но безусловно талантливый, Александр Довженко. Так задохнулся и не выдержал - разорвалось сердце - Василий Шукшин. А драматург, любитель, баловень... советского кинематографа Геннадий Шпаликов... покончил с собой...

20 мая 1976. И всякий раз, встречаясь с вновь прибывшим, ты не можешь отделиться от того, чтобы не задать ему впрямую или хотя бы мысленно... вопроса: слушай, а почему ты уехал? Почему ты предпочел изгнание - жизни на родной земле? Но та обстановка духовного гнета, слепоты, немоты и глухоты, которая воцарилась сейчас, особенно в области культуры на нашей земле, заставляет людей для того, чтобы сказать свое слово... уезжать.

5 июня 1976. Среди самиздатской литературы мне попалась работа священника отца Александра (называть его фамилию я не буду, знающий догадается). И когда я читал его работы, мне показалось, что это не просто необыкновенно умный и талантливый человек, это человек, обладающий тем качеством, которое писатель Тьнянов называл «качеством присутствия». Я читал, допустим, его рассказ о жизни пророка Исайи и поражаюсь тому, как он пишет об этом. Пишет не как историк, а как свидетель, соучастник. Он был там, в те времена, в тех городах, в которых проповедовал Исайя... Тогда в один прекрасный день я решил поехать и просто посмотреть на него... Я простоял службу, послушал проповедь, а потом вместе со всеми молящимися я пошел целовать крест. И вот тут-то случилось маленькое чудо. Отец Александр положил мне руку на плечо и сказал: «Здравствуйте, Александр Аркадьевич. Я ведь вас так давно жду. Как хорошо, что вы приехали!»

Я вышел на поиски Бога, В предгорье уже рассвело...

Елена КУРБАНОВА.